

**СВОД, СБОРНИК ИЛИ ХРОНИКА?  
(О ХАРАКТЕРЕ ДРЕВНЕРУССКИХ  
ЛЕТОПИСНЫХ ПАМЯТНИКОВ XI–XIII ВВ.)**

Древнерусские летописи, в их числе «Повесть временных лет» (ПВЛ), никогда не испытывали недостатка во внимании исследователей. С того времени, когда летописи стали предметом научных изысканий, так называемое летописеведение охватило огромное количество тем и подтем, которые обросли множеством дискуссий по локальным вопросам. История летописания раннего («пергаментного») периода крайне детализирована. Между тем, решение многих частных задач зависит от ответа на более простые и общие вопросы. Один из таких, не теряющих актуальности, вопросов: чем же собственно древнерусские «летописи» были, каков характер этих исторических текстов?

На сегодня общепринятым, по крайней мере, наиболее широко употребляемым определением таких памятников, как ПВЛ или Киевская летопись XII в. (далее — КЛ) является «летописный свод». Этот термин принимается как вполне естественный и очевидный. Тем не менее, эта терминология и стоящее за ней понимание сущности памятников, как попытаемся показать ниже, основаны на одной научной традиции, которая во многом и ныне влияет на представления исследователей о летописях.

Данная традиция зиждется на концепциях и идеях А. А. Шахматова. Ученый представлял историю древнерусского летописания как процесс неоднократного редактирования (переработки и дополнения/расширения) более ранних летописных сочинений, вследствие чего возникала цепочка сменяющих друг друга аналогичных по характеру летописных памятников — «сводов». В каждый новый свод включались один или несколько предыдущих, их тексты редактировались путем введения вставок в изначальный текст или изъятия определенных

фрагментов, а также дополнялись новым сводчиком рассказами/записями до своего времени.

Из такого свода, согласно А. А. Шахматову, выделяя вставки и дополнения, можно было якобы «изъять» более ранний свод, а из него еще более ранний и т. д. Именно так ученый выделял из ПВЛ «Начальный свод», из него в свою очередь — «Древнейший киевский свод», а кроме того между ними «промежуточный» «свод 1073 г.»<sup>1</sup>. В результате оказывалось, что ПВЛ — не первое летописное произведение, но «свод», венчающий ряд сводов-предшественников. Между прочим, такое понимание истории летописания А. А. Шахматовым и его последователями порождает неразрешимую проблему определения «текста-атома», первого в цепи сводов<sup>2</sup>.

В связи с этим, можно привести слова Алана Тимберлейка, в которых он дал характеристику шахматовского понимания свода:

Шахматов, по-видимому, верил, что летописи формировались, прежде всего, посредством механизма редакций — в ходе отдельных разновременных редактирований, в процессе которых сравнивались копии предшествующих летописей, вставлялись внелетописные материалы, включались недавние записи, и тексту придавалось единое идеологическое звучание. Эти «редакторские эпизоды» были более значимыми в истории летописания, чем органический процесс наращивания летописного материала. Целью исследований Шахматова было определить и локализовать во времени эти отдельные «эпизоды» и их результаты — своды<sup>3</sup>.

В итоге, летописные своды (а также предполагаемые некоторыми современными исследователями первые древнерусские исторические тексты, например, некое «Древнейшее Сказание»<sup>4</sup>) представляются произведениями специфическими на фоне как византийской, так и западноевропейской историографии. Соответственно, это ни погодная летопись, ни хроника, ни история; это оригинальное литературное произведение, являющееся не просто компиляцией, а редакцией и переработкой предшествующего свода (или нескольких сводов).

Такое понятие свода широкое и размытое, в каком-то смысле даже удобное. Оно частично преодолевает границу между собственно летописью, анналами и

<sup>1</sup> Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. Главы I, II, XVI, XVII.

<sup>2</sup> Заметим, что Шахматов признавал существование и собственно летописей — постоянно ведшихся текстов типа анналов. Свод, естественно, не мог появиться раньше летописи в этом смысле слова. Таким образом, нужно было ввести в схему некие первоначальные летописи, служившие «спусковым крючком» для появления вереницы сводов. Такими летописями Шахматов считал для новгородского летописания «новгородскую летопись 1017 г.» (предполагаемый источник Новгородского свода середины XI в.), а для киевского — болгарскую летопись, на которой частично был основан Древнейший киевский свод. Между тем, для Шахматова основой летописного процесса было не постепенное накопление погодных записей, а нерегулярное составление зависимых друг от друга сводов.

<sup>3</sup> Timberlake A. Who wrote the Laurentian chronicle (1177–1203)? // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2000. Bd 59. Heft 2. S. 239.

<sup>4</sup> Обзор литературы и оценку гипотезы см. в: Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М., 2011. С. 210–216.

цельным историческим повествованием. Всякую летопись можно провозгласить сводом. Что и сделано в основных пособиях по древнерусской текстологии<sup>5</sup>.

Проблему адекватности данной терминологии можно представить в виде двух вопросов: во-первых, о правомерности трактовки летописи как комплятивного произведения; во-вторых, о корректности того понимания летописного процесса, которое оправдывает столь широкое употребление термина «летописный свод».

Начнем с первого вопроса. Нам кажется, что термином «летописный свод» целесообразно обозначать лишь одну из характеристик памятника — того, как формировался текст, иными словами, как его автор работал с источниками. При создании того или иного исторического произведения могут быть скомпилированы несколько летописей — это и будет летописный свод. С другой стороны, в двух таких сводах удельный вес авторского текста или книжных вставок может очень отличаться. К примеру, в жанровом отношении весьма «книжная» и «литературная» КЛ никак не тождественна сокращенным компиляциям XV в. Тем не менее, в обоих случаях применялось сведение, компилирование известий за один и тот же период из нескольких летописей (в случае КЛ — киевской и владимиро-суздальской)<sup>6</sup>.

Таким образом, применение книжником сводческой техники работы не представляется надежным критерием классификации древнерусских исторических текстов. Вероятно, должны применяться разные параметры, например: наличие/объем связного нарратива<sup>7</sup>; путь формирования основного текста или его составляющих

<sup>5</sup> См., например: *Лихачев Д. С.* 1) Повесть временных лет. Статья и примечания // *Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков*. М., 1957. С. 279–281; 2) *Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков*. Л., 1983. С. 357–359; *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* *Источниковедение отечественной истории / Под общей редакцией профессора А. Г. Голикова*. М., 2000. С. 16.

<sup>6</sup> Следует согласиться с мыслью А. П. Толочко о неправомерности использования единой «терминологической сетки» для «летописных» источников периода XI–XIV вв., с одной стороны, и XV–XVI вв. — с другой. Это связано с принципиальными изменениями в количестве и характере исторических текстов. От рубежа XIV–XV вв. появляется «вторичный продукт» — компиляции существующих летописей (ранее они были невозможны ввиду малочисленности и разобщенности летописных традиций) или компилированные хроники. Они пришли на смену преимущественно «первичным» текстам XI–XIV вв., часть которых рассмотрена выше (см.: *Толочко А. П.* *Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста*. Киев, 2009. С. 104–105).

Именно поэтому термин «летописный свод» логичнее «зарезервировать» для позднейших компиляций XIV–XVI вв.

Важно отметить, что подобное наблюдается и по отношению к переводным хроникам. Если в XI–XIII вв. древнерусские книжники пользовались, скорее всего, полными переводами Амартола, Малалы, Флавия, то с этого времени на смену последним приходят компиляции — «хронографы» (в этом утверждении опираюсь на исследования Т.Л. Вилкул: *Вилкул Т. Л.* *О хронографических источниках Повести временных лет и концепциях их изучения (в печати)*).

<sup>7</sup> Погодные записи также могут быть достаточно пространны и нарративны. Однако важно, связаны ли различные записи между собой, т. е. не представляют ли они единого нарративного комплекса, просто «разбросанного» по сетке годов. Если так, то, скорее всего, они

(длительное ведение или единовременное написание); наличие цельного замысла; соотношение заимствованного и оригинального текста.

Что касается второго из поставленных выше вопросов, то в последнее время появилось достаточно работ, в которых изложены новые наблюдения, а также реанимированы идеи предшествующих поколений ученых, которые не укладываются в концепцию сводов и противоречат схемам истории раннего летописания, идущим от схемы Шахматова. Аргументированная критика ее положений была предложена А. П. Толочко, Т. Л. Вилкул, Д. Островским, В. Н. Русиновым, В. Г. Лушиным и некоторыми другими учеными, нередко приходившими к своим выводам независимо друг от друга и разными путями<sup>8</sup>. В свете их разысканий, представление о ПВЛ как своде, венчающем ряд предшествующих сводов, выглядит довольно сомнительно.

Между тем, в работах указанного направления продолжает употребляться традиционный термин «летописный свод» по отношению к ПВЛ и КЛ («Киевскому своду»). Но если, как было указано выше, понимание истории древнерусского летописания А. А. Шахматовым и его последователями небезупречно и во многом уязвимо, то стоило бы дистанцироваться не только от него (понимания), но также отрешиться и от терминологии известного русского слависта и его продолжателей. Если так, то, вероятно, нужен пересмотр или уточнение терминологии летописеведения. Впрочем, проблема глубже, она касается самих представлений об истории летописания; не столько терминов, сколько феноменов и понятий.

В подобных нелегких ситуациях всегда полезно обратиться ко всему научному опыту дисциплины, и выяснить, известны ли альтернативы «концепции сводов». Несмотря на обилие литературы о летописях, в историографии мы можем

---

вносились единовременно, а значит, формирование текста проходило не по «анналистическому принципу».

<sup>8</sup> Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. 2008. Т. 7. С. 154–165; Толочко О. P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe* (с. 1070–1200). / Edited by Ildar Garipzanov. 2011. P. 207–229; Фоллин С. Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // *Ruthenica*. 2008. Т. 7. С. 140–153; Вилкул Т. Л. 1) Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. XI. С. 5–35; 2) Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV. С. 56–116; 3) О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX/I. С. 1–15; Ostrowski D. The Nacalnyj Svod theory and the Povest' vremennykh let // *Russian linguistics*. 2007. Vol. 31. P. 269–308; Русинов В. Н. Летописные статьи 1051–1117 г. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2003. Сер. История. Вып. 1 (2). С. 111–147; Лушин В. Г. 1) Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет // *Историко-археологические записки*. 2010. Кн. 1. С. 22–32; 2) Симметричность летописных дат IX – начала XI вв. // *Историко-археологические записки*. 2010. Кн. 1. С. 33–38; 3) 882–862–852 // *Историко-археологические записки*. 2010. Кн. 1. С. 39–44; 4) К датировке правления Игоря // *Историко-археологические записки*. 2010. Кн. 1. С. 65–70; 5) «...не покашася, и посла на ня римляны» // *Историко-археологические записки*. 2010. Кн. 1. С. 85–88. — Приводим здесь лишь часть литературы этого историографического направления.

выделить лишь три основных взгляда на характер памятников киевского домонгольского летописания. Один из них — шахматовский, представленный выше.

Другое представление о древнейших летописных памятниках, в частности о ПВЛ, разделяли непосредственные предшественники Шахматова — ученые второй половины XIX в., такие как Н. И. Костомаров<sup>9</sup> или К. Н. Бестужев-Рюмин<sup>10</sup>. Согласно их точке зрения, ПВЛ была первым «сборником» или сводом в смысле простой компиляции разнородных источников. Равно как и дошедшие до нас в рукописях летописи, она была собранием отрывков или целых произведений разных жанров: собственно летописей, отдельных повестей, рассказов, агиографических сочинений, официальных документов и др. В этой трактовке ПВЛ не была единым «произведением» и не относилась к определенному жанру. В ней как архиве (по выражению Бестужева-Рюмина) находилась коллекция первоначальных разножанровых текстов. Такой взгляд, в отличие от шахматовского «монизма», предполагал дихотомию летописи в смысле погодных записей типа анналов и летописного сборника как «архива» летописей, отдельных сказаний и повестей.

Возникновение идеи сборника в свою очередь было следствием отказа от взглядов исследователей ПВЛ первой половины XIX в., таких как А. Л. Шлецер<sup>11</sup>, М. Н. Карамзин<sup>12</sup>, П. Г. Бутков<sup>13</sup>. Они считали ПВЛ авторской хроникой (временником) одного автора (Нестора), его личным трудом. Временник представлялся как единое произведение, не основанное на более ранних произведениях подобного рода, разве только на неких коротких записках. Автор хроники мог частично сам вести летопись, частично высчитывать хронологию и последовательность событий на основании других источников или устных рассказов. Нестора, как автора временника, сравнивали с современными ему Козьмой Пращским и Галлом Анонимом.

Сегодня в условиях пересмотра шахматовских концепций и новых источниковедческих разысканий вновь получает актуальность вопрос о том, что же перед нами: свод, сборник или хроника, а может нечто иное?

Начать рассуждение следует с древнейшего достоверного исторического текста, «Повести временных лет», поскольку именно представление о ней всегда давало исследователям «ключ» к пониманию древнерусской историографии в целом. Прежде всего, следует привести наиболее общие, базовые, черты ПВЛ, выявленные благодаря наблюдениям не одного поколения ученых. Их можно выразить в ряде положений.

1. ПВЛ — целостное историческое произведение с определенным планом и замыслом, очерченным началом и заглавием и колофоном автора (Сильвестра)<sup>14</sup>.

<sup>9</sup> Костомаров Н. И. Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. СПб., 1861. С. 20—100.

<sup>10</sup> Бестужев-Рюмин К. Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868.

<sup>11</sup> Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древне-славенском языке. Ч. 1. СПб., 1809.

<sup>12</sup> Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. СПб., 1818. С. XXVII—XXXII.

<sup>13</sup> Бутков П. Г. Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.

<sup>14</sup> Он имеется лишь в списках одной из двух основных, «лаврентьевской», северо-восточной ветви ПВЛ.

2. В ее тексте отчетливо выделяются две жанровые составляющие: «анналистическая» (сухие, фактографические, нередко точно датированные сообщения) и «нарративная» (пространные рассказы и описания событий, а также тексты разных жанров, вплетенные в нарратив, — документы, житийные тексты, поучения и т. д.).

3. Изложение ведется в хронологической последовательности. Это обеспечивается тем, что большая часть материала упорядочена вокруг анналистической сетки годов.

4. Хронология событий специально уточнялась, даже искусственно высчитывалась, а иногда и конструировалась, поскольку числа несли символическую нагрузку.

5. Хотя в основе текста за XI в. и лежит, очевидно, киевское погодное летописание (откуда взяты точные даты за XI – начало XII в.), по способу создания и характеру изложения ПВЛ принципиально отлична от непрерывно ведущейся летописи-анналов.

6. Сложный состав ПВЛ и большое количество использованных источников предполагает сложную работу над произведением, во всяком случае, не простое переписывание или редакцию.

7. В ПВЛ ярко выражено авторское начало. Автору присуща определенная полемическая (даже «исследовательская») манера.

Отмеченные положения, как кажется, позволяют в самом общем виде наметить характер памятника: он не тождествен ни простым погодным запискам-анналам, ни связной, углубленной, «истории». Впрочем, его черты оказываются не уникальными. Они сближают ПВЛ с европейскими и византийскими средневековыми хрониками, часть из которых летопись использовала (прежде всего, Хронику Георгия Амартола).

На средневековом Западе жанр «хроники»<sup>15</sup> предполагал сознательный и продуманный целостный труд, основанный на хронологически последовательном, зачастую погодном, рассказе о событиях. Хроника нередко использовала большой круг источников. От анналов хронике отличало то, что она создавалась единовременно, а не велась на протяжении длительного времени. Хронологические показания в «хрониках» были результатом не только фиксации «по горячим следам», но и «ученых разысканий» хрониста<sup>16</sup>. Также «хроникам» присуще большее, чем в анналах, развитие нарративной составляющей и наличие «авторского текста» (черты, присущие другому жанру — «истории»). В то же время от «историй» их отличало строгое следование хронологии в изложении, большая поверхностность в рассказе наряду с более обширным временным и тематическим охватом (что сближало с «анналами»)<sup>17</sup>.

---

<sup>15</sup> Оговоримся, что следует учитывать довольно размытые границы этого понятия как в Средние века, так и в современной медиевистике.

<sup>16</sup> Иными словами, хроника могла использовать не только настоящие анналы в качестве источника. Некоторые анналистические по форме записи могли быть «искусственными», составленными самим хронистом.

<sup>17</sup> *Gene B.* История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002. С. 237–240; обзор существующих мнений по проблеме разграничения анналов и хроник и обоснование

Византийская историография IX–XI вв. не знала жанра анналов, но четко различала «хронику» и «историю». «Хроника» — целостный труд, построенный на хронологическом принципе изложения и организации материала. Лишь в некоторых хрониках применен анналистический принцип («Пасхальная хроника», Георгий Синкелл, Феофан)<sup>18</sup>, другие (Амартол) ведут рассказ по правлениям царей. Однако все они упорядочивают материал вокруг однородных последовательных временных отрезков, будь то календарный год или правление царя (независимо от количества календарных лет в каждом правлении)<sup>19</sup>.

При всем своеобразии византийские «хроники» IX–XI вв. имеют с западными хрониками и ПВЛ, как видим, ряд важных общих черт, будучи так же нетождественны как анналам, так и «историям». В свое время Хейден Уайт показал принципиальное различие анналов и нарратива/истории. Анналы — это хронологически последовательная фиксация событий, нарратив/история — рассказ о событиях, наделенных смыслом и соединенных причинно-следственными связями<sup>20</sup>. Хроника в таком случае — это смешанный/переходный жанр, комбинирующий анналистическую и нарративную составляющие<sup>21</sup>. Именно это мы и находим в ПВЛ.

Итак, рассмотрение особенностей ПВЛ и приведенные сопоставления наводят на мысль, что в образе Начальной летописи перед нами предстает не свод в шахматовском понимании, и не механически составленный сборник, а скорее авторская хроника. При этом автором был, вероятно, не Нестор<sup>22</sup>, а Сильвестр, оставивший в конце летописи свою приписку<sup>23</sup>.

---

мысли об их нетождественности на материале англосаксонских анналов и древнерусских летописей см. в: *Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М., 2011. С. 69–92; также см.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. С. 20–27.

<sup>18</sup> Однако тут он искусствен, не является результатом долговременного ведения записей.

<sup>19</sup> *Любарский Я. Н.* Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописание // Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб., 2009. С. 308–310.

<sup>20</sup> *White H.* The content of form. Narrative discourse and historical representation. Baltimore; London, 1987. P. 3–25.

<sup>21</sup> Иначе: под хроникой мы понимаем здесь жанр средневекового историописания, отличающийся от анналов и «историй», но имеющий ряд черт обоих этих жанров (в разной пропорции в зависимости от конкретного случая).

<sup>22</sup> Детальнее о «Несторовом мифе» см.: *Tolochko O.* On Nestor the chronicler // *Harvard Ukrainian studies*. 2007. Vol. 29. P. 31–59.

<sup>23</sup> В современных работах все чаще звучит мысль о том, что ПВЛ была плодом деятельности одного автора, а не сводчика-компилятора. В различных аспектах работы книжника второго десятилетия XII в., раскрываемых рядом ученых, засвидетельствованы внушительные усилия над созданием текста (см.: *Русинов В. Н.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2003. Серия История. Вып. 1 (2); *Вилкул Т. Л.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV. Cambridge, Massachusetts; *Толочко А. П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. 2008.

«Киевская летопись» (КЛ), второй объект нашего рассмотрения, несколько отличается от ПВЛ. В ней авторское начало не выражено, работа составителя уточненнее, а план скромнее. Однако обилие и характер источников (среди которых, по новейшим данным, были те же хронографические тексты, которые служили источниками и ПВЛ, например, Амартол или Александрия)<sup>24</sup>, характер работы с ними и объем текста памятника делают его вполне соизмеримым с ПВЛ по основным параметрам. Он также опирается на киевское погодное летописание, используя его лишь как событийно-хронологический стержень, на который «нанизан» пространственный нарратив. Таким образом, и «Киевский свод» вернее было бы тоже считать хроникой.

Между тем, КЛ не имеет еще одного важного признака хроники, который имеет ПВЛ — формального начала и отдельного заглавия. Но это не только не мешает нашей идее, а придает ей еще большей выразительности. КЛ сложно представлять изначально отдельным от ПВЛ произведением, учитывая и то, что граница между обеими в списках сглажена будто специально. ПВЛ плавно переходит в КЛ, что доныне создает трудности ученым, желающим проследить по Ипатьевскому списку конец ПВЛ. Легче всего предположить, что начало ПВЛ было одновременно и началом КЛ, а последняя задумывалась не как отдельный труд, а как продолжение ПВЛ.

Прямые аналогии такому явлению есть в средневековой историографии (как византийской, так и западноевропейской) — это так называемые «продолжения» (*continuatio*) авторских хроник (Продолжатель Феофана, Продолжатель Фредегара, Продолжатель Регинона). Собственно именно этот сравнительный контекст летописания подразумевали те ранние исследователи, которые писали о «продолжателях Нестора»<sup>25</sup>.

---

Т. 7). После выхода работ А. А. Шахматова мысль о едином авторстве впервые ясно высказали, кажется, издатели английского перевода ПВЛ 1953 г.: *The Russian Primary Chronicle. Laurentian text. Translated and edited by Samuel Hazzard Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Massachusetts, 1953. P. 21–22.*

Точно так же сейчас наука возвращается ко взгляду на Сильвестра как автора или, по крайней мере, составителя ПВЛ, широко принятому до начала XX в., но оставленному под влиянием «реанимирующих» Нестора работ А. А. Шахматова. Рядом исследователей, между прочим, подчеркивалась роль Сильвестра в создании хронологии ПВЛ, в частности, предоставлении индиктных дат (см.: *Кузьмин А. Г. Индикты начальной летописи (к вопросу об авторе Повести временных лет) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 305–313; Толочко А. П. Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. С. 161–164.*

<sup>24</sup> *Толочко А. П. Печерский мятеж 1182 г. // Ruthenica. 2007. Т. 6. С. 350–352; Вилкул Т. Л. 1) «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы. 2008. Сб. 13. С. 425–435; 2) О хронографических источниках Киевского летописного свода // ТОДРЛ. 2010. Т. 61. С. 382–397; Вилкул Т. Л. Хроника Амартола в Київському зводі (в печати).*

<sup>25</sup> *Миллер Г. Ф. О первом летописателе Российской преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных // Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С. 11–12; Шлецер А. Л. Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Ч. 1. СПб., 1809. С. 23–25.*

В списках Ипатьевской группы КЛ продолжает так называемая Галицко-Волынская летопись (ГВЛ). Стык ГВЛ и КЛ, рубеж XII–XIII вв., обыкновенно рассматривается как разрыв в повествовании. В этом месте совершается переход от «киевцентрической» истории (ПВЛ и КЛ) к истории галицко-волынской, а также обрывается сетка годов<sup>26</sup>. Тем не менее, вряд ли стоит смотреть на ГВЛ как на совершенно отдельный труд, лишь случайно оказавшийся соединенным с КЛ и ПВЛ.

Прежде всего заметим, что, в отличие от этих двух памятников, ГВЛ даже чисто внешне не является целостным произведением, поскольку имеет две выраженные «части», условно называемые в литературе «галицкой» и «волынской»<sup>27</sup>. И если «волынская» писалась как непосредственное продолжение «галицкой», то имел ли составитель «галицкой части» намерение продолжить ею текст КЛ? Вполне возможно, именно так.

«Галицкая часть» ГВЛ, как и КЛ, не имеет отдельного заглавия. Ее начало примерно совпадает с концом КЛ: повествование начинается приблизительно от момента, на котором оканчивается рассказ КЛ. «по смърти же великаго княза Романа [...]<sup>28</sup> великоу матежю воставшю . в землѣ Роуской . вставившима же са . двѣима снѡма его . единь . д . лѣ̄т̄ а другии двоу лѣ̄т̄ . Собравшю же Роурикоу Половци и Роуси много . и приде на Галичь . вставивъ мнисккии чинь . бѣ̄ бо приялъ боязни ради . Романовы». Здесь мы видим основных героев последних статей КЛ: Рюрика

<sup>26</sup> Нынешнюю хронологию Ипатьевского списка в расчет не берем — она позднего происхождения (см.: *Толочко А. П.* Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. XIII, 1. С. 81–108).

<sup>27</sup> Начиная с Н. И. Костомарова, большинство ученых признавало деление ГВЛ на эти части (*Костомаров Н. И.* Лекции по русской истории. Ч. 1. Источники русской истории. СПб., 1861. С. 47–51). Он же первым писал о «раздвоении» летописи под 1261 г., что примерно совпадает с выводами позднейших исследователей о границе между частями ГВЛ. Первая половина 1260-х гг. (точнее — 1260–1261 гг. по хронологии Ипатьевского списка) как текстуальный рубеж был подтвержден и лингвистически (см.: *Worth D. S.* 1) Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle // *Indiana Slavic Studies*. 1964. Vol. 3. P. 173–185; 2) Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle // *Worth D. S.* On the Structure and History of Russian. Selected Essays. München, 1977. P. 221–235; *Hristova D. S.* Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // *Russian History/Histoire Russe*. 2006. Vol. 33. P. 313–331). К подобному заключению исследователи приходили и другими путями (см.: *Толочко П. П.* Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания // *Ruthenica*. 2005. Т. 4. С. 47–53; *Толочко А. П.* Одна заимствованная формула в Галицко-Волынской летописи // *Ruthenica*. 2006. Т. 5. С. 256–257). По наблюдениям А. П. Толочко, со статьи 1261 г. (реальная хронология — 1259 г.) заметна иная манера использования источников, повлиявших на «галицкую часть» (переводной «Иудейской войны» Флавия). Это, очевидно, свидетельствует о работе другого книжника — автора «волынской части».

Несмотря на обилие попыток расслоения ГВЛ на более мелкие единицы (своды, редакции, повести и др.), именно разделение на две части так или иначе признается практически всеми исследователями. Обзор основных взглядов на формирование «первой части» ГВЛ см.: *Ужанков А. Н.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. М., 2009. С. 289–307; также см.: *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. СПб., 2011. С. 209–236.

<sup>28</sup> В этом месте текст разрывает известная похвала Роману Мстиславичу.

и Романа. Собственно и повествование начинается с действий Рюрика, что создает «переход» от истории Ростиславичей к истории Романовичей. Здесь же автор обращается к прошлым событиям, не описанным в КЛ — к пострижению Рюрика. Пусть и ретроспективно, книжник пытается «подогнать» границы двух историй. Надо признать, что княжение Романа выпадает; книжник рассказывает о его детях. Но в похвале Роману этот «пробел» как бы восполнен: кратко охарактеризованы деяния Романа, что дает право перейти к событиям после его смерти<sup>29</sup>. Таким образом, не лишена основания мысль, что «галицкая часть» ГВЛ писалась человеком, имевшим в распоряжении КЛ.

В конце XIII в. к «Галицкой хронике» прибавилось «волынское продолжение», вряд ли существовавшее когда-либо в отдельном виде. Собственно, ГВЛ как таковая также не была единым самостоятельным сочинением; объединять ее «галицкую» и «волынскую» части оснований не больше, чем для объединения ПВЛ и КЛ. Вероятно, «волынское продолжение» появилось изначально как интегральная часть большого произведения, включившего также ПВЛ и КЛ и носившего название — «Летописец Руський»<sup>30</sup>. К слову, «Летописцем» назвал свой труд и автор ПВЛ<sup>31</sup>. «Летописец Руський» оказывается как бы большой хроникой, представляющей из себя ПВЛ с последовательными продолжениями (киевским, галицким и волинским)<sup>32</sup>.

\*\*\*

Как же составлялись древнерусские хроники, и, прежде всего, ПВЛ? Трудно представить, чтобы такой сложный труд был выполнен без каких бы то ни было предварительных заготовок, черновиков, т. е. просто «написан»/«списан» в

---

<sup>29</sup> В похвале Роману также проводится связь историй: князь изображен как последователь, «ревнитель», Мономаха — героя ПВЛ и КЛ. Его же продолжателем на страницах ГВЛ выступает главный герой ее «галицкой части» — Даниил Романович. О «связующей» и «компенсирующей» роли похвалы Роману см. рассуждения А. В. Горovenko: *Горovenko A. V. Меч Романа Галицкого*. С. 223–236.

Интересно, что в похвале Роман назван «самодержцем всея Руси». Великим князем «всея Руси» назван и Владимир Мономах в некрологе Киевской летописи. Следует не соглашаться с А. В. Горovenko, усматривающем в титуле Мономаха вставку книжника конца XIII в. В данном случае убедительно замечание А. П. Толочко, что этот оборот появился именно при составлении Киевской летописи (см.: *Толочко А. П. О времени создания Киевского свода «1200 г.» // Ruthenica*. 2006. Т. 5. С. 82–83).

<sup>30</sup> На этом акцентировал Л. Е. Махновец (см.: *Літопис руський / Пер. з давньорус. Л. Є. Махновця; відп. ред. О. В. Мишанич. Київ, 1989*).

<sup>31</sup> Древнерусские книжники не знали строгого терминологического разграничения разных жанров историописания. Слова «лѣтописецъ», «лѣтописание», «хронографъ» употреблялись в сходных контекстах. Предпочтения определялись не осознанием книжниками жанровых отличий текстов, а ориентацией на словоупотребление того или иного «авторитетного» труда (см.: *Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф*. С. 84–85). Не следует забывать и о том, что до конца XIII в. на Руси было создано лишь несколько исторических произведений (не считая погодных записей), и «литературная» терминология еще не успела бы развиться.

<sup>32</sup> С другой стороны, он выглядит как сборник, не компилирующий отрывки, но представляющий полные тексты исторических произведений в порядке их возникновения. Однако определению «Летописца Руського» как сборника мешает то, что, судя по общему заглавию, он мыслился как единое произведение.

один присест. Работа автора ПВЛ не могла быть тождественна работе, скажем, Лаврентия, переписывавшего уже существующую рукопись. Если так, то эта разносторонняя деятельность книжника должна была отразиться в тексте. В ПВЛ действительно есть много «неравномерностей», признаков гетерогенности, отмечавшихся практически всеми учеными. Последователи Шахматова считают их свидетельствами цепочки сводов. Многие предшественники Шахматова видели в них следы отдельных разновременных сочинений, вошедших в сборник-свод ПВЛ. Между тем, предлагались и другие объяснения текстуальных фактов.

Еще в 1869 г. киевский автор В. Лашнюков предлагал оригинальный способ согласовать единое авторство ПВЛ с видимой неоднородностью и внутренней противоречивостью ее текста. По мнению исследователя, автор ПВЛ (он считал таковым Нестора) предварительно писал разные произведения, которые позже внес в летопись. От этого якобы и произошли некоторые противоречия и неоднородность текста; именно это производило впечатление нескольких авторов и вставок. Лашнюков полагал, что ученые неверно смотрели на работу летописца, и многие кажущиеся противоречия, в частности между фрагментами разной идеологической направленности, могли получиться под пером одного человека. Отказывался он и от идеи существования первоначального летописного нарратива в отрыве от погодной сетки<sup>33</sup>. Не принимая детали концепции Лашнюкова, считаем, что направление мысли было выбрано им правильно.

Наличие в летописи различных тематических блоков, написанных каждый в своем стиле с использованием специфической лексики с источников, также неоднократно пытались объяснить с литературоведческой точки зрения. Так, Д. С. Лихачев писал о том, что каждый род фактов средневековый писатель старался описать «только для этой группы фактов предназначенной манере», исходя из определенного «литературного этикета» и идеальных представлений о явлениях и событиях<sup>34</sup>. Если так, то «литературная» структура летописи (скажем, ПВЛ) не обязательно отвечает ее «исторической» структуре — тому, как и из чего на самом деле формировался текст.

Недавно на неоднозначность противоречий и текстуальных швов указал также Алан Тимберлейк. По словам ученого, «there can be seams that do not mean redactions»<sup>35</sup>. Речь шла о Суздальской летописи 2-й половины XII в., но это замечание вполне применимо к другим памятникам летописания. Итак, если швы и противоречия не свидетельствуют (или не обязательно свидетельствуют) о разновременной работе нескольких книжников, то о чем же? Можно утверждать, что, с не меньшей вероятностью, они могут отражать процесс сочинения летописи одним человеком.

Наша гипотеза состоит в том, что видимость швов и нескольких тематических блоков в ПВЛ объясняется существованием заготовок самого автора, которые он

<sup>33</sup> Лашнюков И. В. Очерки русской историографии и истории (начало) // Университетские известия. 1869. № 5. С. 13–22.

<sup>34</sup> Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Статья и примечания // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. С. 280.

<sup>35</sup> Timberlake A. Who wrote the Laurentian chronicle. S. 263.

использовал при написании своего произведения. Мы ни в коей мере не отвергаем очевидную неоднородность текста. Однако мы полагаем, что она объясняется не существованием отдельных, созданных разными людьми в разное время, сочинений (в частности «сводов»), а способом работы одного автора, сначала готовившего «черновики» и потом писавшего на их основе свою хронику.

В ПВЛ отчетливо выделяются более или менее крупные тематические блоки, повествующие о близких по времени, связанных между собой или просто однородных событиях. Для каждого блока используются специфические клише, стилистика, источники информации и образцы нарративных моделей. Среди таких блоков можно назвать: рассказы о начале Руси и первых князьях (иногда именуемые «дружинными») до середины XI в. включительно; сказание о Владимире и крещении Руси; повесть о Борисе и Глебе; рассказы из истории Печерского монастыря; статьи о междукняжеских отношениях 1090-х – 1110-х гг. и другие<sup>36</sup>.

Именно эти части ПВЛ воспринимались исследователями XIX в. как изначально отдельные произведения. Например, Костомаров выделял «Повесть древних лет» (до середины XI в.) и «Печерскую летопись». По идущей от Шахматова традиции на них смотрели (и смотрят) как на текстуальные наслоения, возникшие по мере создания новых сводов. Однако с учетом всех недостатков как дошахматовской концепции сборника-«архива» ПВЛ, так и концепции сводов, от приведенных способов объяснения происхождения тематических блоков в ПВЛ можно попытаться отойти. Гипотеза о заготовках, интегрированных автором в единую хронику, выглядит, на наш взгляд, предпочтительнее.

Работу над хроникой ПВЛ можно представить в виде нескольких стадий или параллельных операций. Сперва составлялся общий план труда. Там, где было возможно, размечалась хронологическая сетка<sup>37</sup>. Причем, в части за XI – начало XII в. каркасом служило погодное киевское летописание (по сути — киевские анналы), а в части от 852 г. до конца X в. — хронология конструировалась на основании различных источников и соображений. Затем или одновременно с составлением каркаса писались тексты-заготовки различных частей хроники<sup>38</sup>. Не исключено, по ходу этой работы корректировался и общий план, что могло отразиться в некоторых противоречиях и шероховатостях изложения. Наконец, писался единый труд в виде кодекса — «книги Лѣтописецъ». По всей видимости, при «сшивании»

---

<sup>36</sup> Из более мелких блоков, например, можно вспомнить повествования о волхвах в статье 1071 г.

<sup>37</sup> В свете последних наблюдений В. Г. Лушина и А. П. Толочко (Историко-археологические записки. С. 22–44, 65–70, 85–88; Толочко О. П. [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010, 176 с., илл. // *Ruhenica*. 2011. Т. 10. С. 261–269) можно утверждать, что хронологический «скелет» ПВЛ возник не позже летописного нарратива.

<sup>38</sup> Возможно, последовательность их написания в научной литературе трансформировалась в последовательность составления сводов или отдельных сочинений-источников ПВЛ. При этом временная дистанция между заготовками в несколько месяцев или (как максимум) несколько лет превращалась в несколько десятилетий между гипотетическими сводами или отдельными летописями и сказаниями.

черновики добавлялся «склеивающий» текст — переходы между подготовленными блоками (в частности, ремарки типа «мы же на преднее възвратимся») и дополнительные сообщения<sup>39</sup>. Но даже в «чистой» рукописи могли проставляться приписки-гlossы<sup>40</sup>.

Подобным образом, по нашему мнению, составлялась и КЛ — хроника-продолжение ПВЛ. Как и в случае ПВЛ, нарратив Киевской хроники опирался на погодное летописание. Сам он (нарратив) так же неоднороден. Весь вопрос в том, что отражает видимая неоднородность. На наш взгляд, то, что многими исследователями было воспринято как выжимки из «местного летописания» (галицкого, черниговского и т. д.), в оригинале могло в значительной мере быть отдельными заготовками либо просто тематическими блоками, сразу вошедшими в текст хроники. Судя по всему, автор КЛ<sup>41</sup> хотел создать «общерусскую» историю, а именно — историю, включающую деяния всех основных княжеских семейств рода Рюриковичей. Следует полагать, что для написания КЛ книжник специально собирал информацию, касающуюся различных ветвей правящего рода (имел информаторов типа Петра Бориславича, а возможно, использовал и какие-то записи, происходившие из окружения того или иного князя)<sup>42</sup>. Таким образом, сама концепция произведения, будучи воплощенной в тексте, провоцировала «обман зрения» — впечатление, будто в КЛ использованы отрывки местных летописаний.

Известно, что общий текст Ипатьевской и Лаврентьевской летописей за XII в. (Ипат-Лавр, т. е. фактически текст Лавр) значительно беднее текста самой КЛ. Он гораздо более «киевский», чем КЛ, где его «разбавляют» сообщения из «местных историй». Возникает подозрение, что Ипат-Лавр отражает «стержневую» заготовку КЛ<sup>43</sup>. История, сконцентрированная вокруг Киева (преимущественно борьбы за Киев), служила «нарративным хребтом», к которому в КЛ присоединены дополнительные сюжеты и художественные элементы.

Будучи однажды составлена<sup>44</sup>, «киевская» основа КЛ успела попасть на восток Руси и отразиться в Суздальской летописи, впрочем, в сокращенном виде<sup>45</sup>. В свою очередь Суздальская летопись на рубеже XII–XIII вв. отразилась уже в готовой КЛ<sup>46</sup>.

<sup>39</sup> Не отсюда ли впечатление многих исследователей о характере работы сводчика ПВЛ: якобы он соединял в своем своде различные готовые сочинения, лишь частично редактируя их и дополняя текстом «от издателя»?

<sup>40</sup> Именно такое происхождение, скорее всего, имеют дополнительные сообщения Ипатьевского вида ПВЛ по сравнению с Лаврентьевским.

<sup>41</sup> Им мог быть книжник из Выдубицкого монастыря, не исключено, его игумен Моисей.

<sup>42</sup> Подробнее: Аристов В. Ю. Происхождение сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2011. Т. 10. С. 125–131.

<sup>43</sup> Более раннее происхождение Ипат-Лавр по сравнению с Ипат (КЛ) обосновано в: Вилкул Т. Л. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. 2005. XIII. No. 1.

<sup>44</sup> О точном времени можно спорить; на наш взгляд — последняя четверть XII в., во всяком случае, не раньше рубежа 1160–1170-х гг.

<sup>45</sup> Аристов В. Ю. Происхождение сообщений Киевской летописи. С. 129–130, 134–135.

<sup>46</sup> Только так можно объяснить появление киевского текста, предкового для КЛ, в Суздальской летописи, а суздальских сообщений 1190-х гг. — в КЛ. Вопрос о времени и

Изложенный выше взгляд на составление древнерусских исторических сочинений может быть полезен и при рассмотрении «галицкой части» ГВЛ. До конца 1230-х гг. ее нарратив относительно однороден в тематическом плане: основное внимание обращено на борьбу Романовичей за отцовские владения. Лишь несколько фрагментов разрывают повествование и выглядят как интерполяции (например, список литовских князей, давших мир Романовичам, или статья, датированная в Ипатьевском списке 1223 г.<sup>47</sup>).

Но вот рассказ от рубежа 1230–1240-х до 1260-х гг. распадается на разделы, посвященные отдельным сюжетным линиям: нашествиям монголов и отношениям с ними, наведению порядка Романовичами в своей отчине, их «литовским делам», «австрийской» политике. Как и в ПВЛ, видим здесь некую «начальную» часть, переходящую в изложение «по темам». Вместе с тем, текст построен по сходному с КЛ принципу: имеется стержневой сюжет (борьба Романовичей за отчину, в КЛ — борьба за Киев и деятельность киевских князей) и дополнительные сюжеты (отношения Романовичей с соседями, в КЛ — события «местных историй»)⁴⁸. Есть основания полагать, что сначала была написана «стержневая заготовка» — последовательный рассказ о борьбе Романовичей за наследство до нашествия Батыя. На втором этапе работы книжник описал события конца 1230–50-х гг., разбивая текст на тематические блоки. Именно тогда в «начальную» часть были внесены дополнения-вставки.

К характерным особенностям «галицкой хроники» относится также наличие внутренних заголовков<sup>49</sup>, «невыполненных обещаний» и некоторая незавершенность сюжетов. Так, упомянув ненароком некую «Галицину могилу», автор оставляет обещание рассказать о происхождении Галича: «и по семь скажем о Галицинѣ могилѣ . и ѡ начатѣ Галича . ѡкоуду са почаль»<sup>50</sup>. Но в дальнейшем ничего подобного не находим. Другой случай, когда обещание было впоследствии

---

обстоятельствах попадания суздальских записей в Киев обсуждается в: *Толочко А. П.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // *Ruthenica*. 2006. Т. 5. С. 74–86.

<sup>47</sup> П. П. Толочко убедительно показал, что эта статья написана не ранее 1258 г. (см.: *Толочко П. П.* Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания. С. 47–53). Некоторая искусственность ее положения в данном месте заставляет думать, что статья появилась позже, чем основной нарратив, который она разрывает. Между тем, стилистические черты, повествовательная манера, идеология, набор нелетописных (хронографических) источников на протяжении всей «галицкой части» едины. Это неминуемо ведет к мысли о тождестве автора «основного текста» и «вставок»/дополнений. К выводу о редактировании текста одним книжником приходит А. В. Горовенко (см.: *Горовенко А. В.* Меч Романа Галицкого. С. 230–237).

<sup>48</sup> На наличие тематических блоков в ГВЛ обратил внимание Н. Ф. Котляр. Ученый использовал это наблюдение при обосновании гипотезы о воинских повестях как основе Галицко-Волынского летописного свода (*Котляр Н. Ф.* О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2005. № 2. С. 36–54).

<sup>49</sup> «Начнемъ же сказати . бещисленныя рати и великыя троуды . и частыя войны . и многия крамолы и частая востания . и многия матежи», «По семь . скаже<sup>си</sup> . многии матежь . великия лсты бещисленныя рати» (Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. (Ипат.) / Под ред. А. А. Шахматова. СПб., 1908. Л. 255, 258.

<sup>50</sup> Ипат. Л. 246 об.).

выполнено — рассказ об основании Холма<sup>51</sup>. Данный факт наводит на мысль, что перед нами не просто клишированные, ни к чему не обязывающие формулы («инде/послеже скажем»), а реальные намерения книжника. «Невыполнение обещаний» — черта не только «галицкой хроники», но и предшествующих древнерусских исторических трудов (ПВЛ и КЛ)<sup>52</sup>, хотя и в меньшей степени. Это, вероятно, может дополнительно свидетельствовать о сходстве их жанров, а точнее — о сходстве способов работы книжников над составлением текста.

Пресловутая черта ГВЛ — отсутствие погодной разбивки. Именно внешнее несходство с «классическими» летописями является одной из причин отделять ее (и особенно «галицкую часть») от других древнерусских летописных памятников. Однако воздержимся от признания ее «историей», для которой в отличие от анналов и хроник хронология не характерна<sup>53</sup>.

Вероятнее другое: «галицкая часть» ГВЛ должна была стать очередной хроникой-продолжением, как ранее КЛ. Ее текст сохранился исключительно в соединении с киевским летописанием XI–XII вв., что может отражать «понимание жанра» самими ее составителями. Трудность была лишь в том, что в Галиче (как и на Волыни) не велись анналы — погодное летописание, служившее базисом для ПВЛ и КЛ и определившее их узнаваемый «летописный» облик. По сравнению с ними, ГВЛ не хватает одного — проступающих в нарративе сухих, точно датированных, заметок.

Не исключено, что хронология в «галицкой части» планировалась — об этом может свидетельствовать известная «хронологическая ремарка». В ней автор «извинялся» за неуклюжий вид своего текста и обещал расставить даты: «хронографоу же . ноужа есть писати все . и вса бѣвша . ввогда же писати <sup>б</sup>передная . ввогда же востопати в задная . чѣтыи моудрыи разоумѣть . число же лѣтомъ . здѣ не писахомъ в задная впишемъ . по Антивохыискымъ Соромъ . алоумьпиадамъ . Грыцкыми же численицами . Римьскы же висикостомъ . якоже Свьсѣвии и

<sup>51</sup> Ипат. Л. 251 об., 280 об.–282. — Обещание дано в упомянутой статье 1223 г.

<sup>52</sup> Следует вспомнить известное обещание автора ПВЛ — рассказать о жизни Феодосия (статья 1051 г.: «а ѿ Федосьевѣ житыя паки скажемъ», Ипат. Л. 60). Еще с середины XIX в. продолжается дискуссия о том, где же искать этот рассказ. В статье ли 1074 г.? Или автор (Нестор) имел в виду отдельное Житие Феодосия? Отстаивая второй вариант, например, А. А. Шахматов полагал, что первоначально в летописи Нестора находилось Житие. Между тем, в свете высказанных нами соображений, вполне вероятно, что здесь именно «невыполненное обещание». То есть, автор ПВЛ изначально намеревался поведать в летописи о жизни Феодосия, но специального рассказа ей так и не посвятил (в статье 1074 г. он собирается писать лишь о смерти — «скажемъ ѿ оуспеньи яго мало»; другая же часть статьи посвящена знаменитым печерским подвижникам. Лавр. Л. 61 об.).

<sup>53</sup> Попытки провозгласить этот памятник произведением принципиально нелетописного жанра неоднократно предпринимались в историографии. К примеру, см.: *Котляр М. Ф.* Структура і жанр Галицько-Волинського літопису // *Ruthenica*. 2004. Т. 3. С. 135–149; *Котляр Н. Ф.* О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи; *Гимон Т. В.* К типологии жанров древнерусского историописания XI–XIV вв. // *Ruthenica*. 2003. Т. 2. С. 178; *Фонт М.* «Житие» Даниила Романовича // *Княжа доба*. 2008. № 2. С. 98–108.

Памьфильво иннии . хронографи списаша . ѿ Адама до Хрѣстоса . вса же лѣта спишемь . рошетъше во заднья»<sup>54</sup>.

Мнения об этом «трудном месте» ГВЛ высказывались совершенно разные: от признания его доказательством существования хронологии в оригинале ГВЛ (якобы утраченной в Хлебниковском списке) до мысли о чистой «декоративности» «ремарки»<sup>55</sup>. Впрочем, не теряет актуальности старое предложение М. С. Грушевского считать рассуждение о хронологии «невыполненным обещанием»<sup>56</sup>. Формально оно вполне укладывается в ряд иных, приведенных выше «обещаний».

В принципе ретроспективное конструирование хронологии не было чем-то невозможным. Автор ПВЛ конструировал хронологию за IX–X вв., а галицкий книжник мог намереваться сделать то же для XIII в. В результате труд принял бы тот же вид, что ПВЛ и КЛ<sup>57</sup>.

С другой стороны, писать исторический нарратив без погодной сетки древнерусские книжники могли — об этом свидетельствует недатированное «Вступление» к ПВЛ. В пространных пассажах КЛ также можно увидеть манеру повествования, сходную с ГВЛ. В рамках погодных статей параллельно могло вестись несколько линий рассказа, и книжнику приходилось «на переднее» возвращаться, «вступать в передняя и задняя», перескакивать с одной темы на другую. Кроме того, сочинение Владимира Мономаха о своей жизни также является по сути историческим нарративом, не имеющим погодной сетки. Впрочем, князь писал не собственно сюжетный рассказ, а скорее фиксировал однотипные события своей жизни (походы) в строгой последовательности.

Отсутствие хронологии (этот, на первый взгляд, дефект) может быть важным указателем на природу текста, ныне выделяемого как первая или «галицкая часть» ГВЛ. Причем оно не обязательно свидетельствует о сознательном желании книжника писать в жанре «истории». Незавершенности сюжетов, интерполяции, «обещания» и оговорки, встречающиеся в «галицкой части», могут свидетельствовать о том, что книжник по ходу работы столкнулся с трудностями, которые отразились в особенностях текста.

Описывая историю Романовичей, автор, должно быть, убеждался в невозможности располагать события в строгом временном порядке. Ему приходилось делать экскурсы в прошлое или в будущее, а иногда оставлять «обещания» более обстоятельно изложить позднее тот или иной сюжет, затронутый ненароком. Иногда приходилось рассказывать о нескольких параллельных сериях событий. В таких

---

<sup>54</sup> Ипат. Л. 275.

<sup>55</sup> Обзор и разбор литературы см.: *Толочко А. П.* Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. XIII/1. P. 81–84.

<sup>56</sup> *Грушевський М. С.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. 1901. Т. 41. С. 1–2.

<sup>57</sup> Разница лишь в том, что в предыдущих случаях нарратив преимущественно был «насажен» на сетку годов, а здесь — сетку годов планировали «набросить» на нарратив. Само же «качество» текста сходное: те же библейские аллюзии, практически тот же набор использованных переводных византийских хроник, то же нарративное моделирование, та же «лоскутная» структура текста, как бы разбитого на отдельные тематические блоки.

случаях книжник делал ремарки, где пояснял и даже извинялся за эту непоследовательность (одной из них была и «хронологическая ремарка»). Возникает впечатление, что фактически создаваемый «исторический» текст был для него непривычен и неудобен; автор хотел бы последовательного рассказа, но он не получался. Предполагаем, что текст не был завершен в чистовом виде; он представляет собой своего рода «first draft»<sup>58</sup>, переписанный почти в том же виде, в каком по неизвестным причинам был оставлен где-то в 1260-х гг.<sup>59</sup>

\*\*\*

Предлагавшиеся ранее концепции развития и способы понимания природы летописных текстов (сборника, «архивирующего» отрывки разнородных «первоисточников», и последовательных сводов, редактирующих и пополняющих друг друга), а также соответствующая им терминология, имеют известные недостатки. На наш взгляд, более продуктивно рассматривать древнерусское историописание как два взаимосвязанных направления: погодное летописание — анналы и зачастую основанные на них пространные исторические тексты — хроники. Анналы представляли собой простые, регулярно вносившиеся на погодную сетку записи. Хроники были сложными произведениями, сочинение которых требовало немалых усилий и разноплановой черновой работы, отразившейся в их структуре и неоднородностях текстов<sup>60</sup>.

Если в «латинской» Европе анналы и исторический нарратив развивались самостоятельно, то на Руси историческое повествование изначально было «прикреплено» к анналам. Впрочем, недатированное «вступление» к ПВЛ, велеречивые нарративные фрагменты КЛ и особенно текст ГВЛ показывают, что нарративная составляющая в XII–XIII вв. имела относительную автономию, а иногда и довлела над анналистической. И, тем не менее, обе они «сплавлялись» в составе единых произведений. Именно этим следует объяснять особый характер «летописных» хроник.

Однако при всем своеобразии, как кажется, древнерусское историописание в целом вписывается в европейский контекст. В частности, историописание Южной Руси, полнее всего отразившееся в Ипатьевской и Хлебниковской рукописях,

<sup>58</sup> К выводу о черновом характере «галицкой части» ГВЛ (brudnopis) независимо пришел также польский исследователь Адриан Юсупович, благосклонно поделившийся с нами своими выводами. Впрочем, по его мнению, текст задумывался как «придворная хроника», писавшаяся по заказу Даниила Романовича.

<sup>59</sup> Неоднократно отмечалось, что «галицкая часть» резко обрывается «на полуслове» в статье 1258 г. (по Ипатьевской хронологии). Можно согласиться с П. П. Толочко, что это результат не позднейшей утраты текста, а реальной незавершенности труда (ср.: Толочко П. П. Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания. С. 52).

<sup>60</sup> Изменения в понимании естественным образом ведут за собой смену терминологии. Предложенное понимание природы древнерусских исторических текстов куда удобнее сочетается с терминами «анналы» и «хроники», чем с термином «(летописный) свод». При этом «летописи»/«летописание» традиционно остается общим термином, обнимающим все оригинальные исторические тексты, выросшие на древнерусской основе.

развивалось по известной и в «латинской» Европе, и в Византии модели. Это авторская хроника с продолжениями. В упомянутых рукописях, таким образом, содержится начальная хроника ПВЛ и хроники ее продолжателей. Каждое сочинение обладало своим индивидуальным «лицом», каждое имело свой план и замысел, свою особую стилистику и литературные образцы. Но каждый новый автор одинаково намеревался продолжить своим текстом труд предшественника, так или иначе «подгоняя» начало своего сочинения к окончанию предыдущего. При этом есть основания полагать, что отдельной «Галицко-Волынской летописи» никогда не существовало, а в Ипатьевском и сходных списках мы имеем не три (как обычно считается), а четыре произведения.

#### Данные о статье

**Автор:** Аристов, Вадим Юрьевич, аспирант Института истории Украины Национальной Академии наук Украины, [aristov3000@yandex.ru](mailto:aristov3000@yandex.ru)

**Заголовок:** Свод, сборник или хроника? (о характере древнерусских летописных памятников XI–XIII вв.)

**Резюме:** Статья посвящена одному из базовых вопросов истории древнерусского (и собственно — южнорусского) летописания — характеру и жанру дошедших до нас летописных сочинений и логике их развития. Автор предлагает дистанцироваться от (во многом спорной) восходящей к гипотезам А. А. Шахматова «концепции сводов», рассматривающей историю раннего летописания как цепочку последовательных редакций изначального «нарративного ядра». Вместе с тем обосновывается необходимость пересмотра терминологии летописеведения, а именно термина «летописный свод». Обращение к историографии вопроса позволяет предложить иной ответ на него.

Согласно высказанной в статье идее, «Повесть временных лет» не была ни простым сборником, ни «летописным сводом» в понимании А. А. Шахматова. Ее, по мнению автора, правильнее классифицировать как авторскую хронику игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра. Предлагается модель развития южнорусского историописания XI–XIII вв., которая рассматривает так называемые Киевскую и Галицко-Волынскую летописи как три последовательных хроники-продолжения «Повести временных лет»: киевскую, галицкую и волынскую. Это, между прочим, означает, что в Ипатьевском списке содержится не три, а четыре памятника. Такая модель оперирует реальными, а не гипотетическими текстами, и вписывает древнерусское историописание в европейский контекст. Схема «авторская хроника с продолжателями» известна и в латиноязычной, и в византийской историографии.

В статье также излагается новый взгляд на формирование текста хроник, в частности — «Повести временных лет». Неоднородность ее текста и наличие «швов» и противоречий автор предлагает объяснять как отражение не отдельных повестей разного авторства или разновременных сводов, а сложной работы одного книжника, писавшего заготовки-черновики перед окончательным оформлением своего труда.

**Ключевые слова:** летописание, летописный свод, хроника, историография

#### Литература, использованная в статье

*Аристов, Вадим Юрьевич.* Происхождение сообщений Киевской летописи // *Ruthenica*. 2011. № 10. С. 117–136.

- Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич.* О составе русских летописей до конца XIV века. Санкт-Петербург: Типография А. Граншеля, 1868. 378 с.
- Бутков, Петр Григорьевич.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. Санкт-Петербург, 1840. 462 + LXV с.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* «Литредакция» летописи (о вставках из Александрии Хронографической в Киевском своде XII в.) // Герменевтика древнерусской литературы. 2008. Сб. 13. С. 425–435.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. 2003. Vol. XI. Cambridge, Massachusetts. С. 5–35.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьевской летописи за XII в. (предварительные заметки) // *Palaeoslavica*. 2005. Vol. XIII. No. 1. Cambridge, Massachusetts. С. 21–80.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX/I. Cambridge, Massachusetts. С. 1–15.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* О хронографических источниках Киевского летописного свода // Труды Отдела древнерусской литературы. 2010. Т. 61. С. 382–397.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* О хронографических источниках Повести временных лет и концепциях их изучения (в печати).
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* Повесть временных лет и Хронограф // *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV. Cambridge, Massachusetts. С. 56–116.
- Вилкул, Татьяна Леонидовна.* Хроніка Амартола в Київському зводі (в печати).
- Водолазкин, Евгений Германович.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинового повествования XI–XV веков). 2-е издание, переработанное и дополненное. Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2008. 488 с.
- Гене, Бернар.* История и историческая культура средневекового Запада. Москва: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
- Гимон, Тимофей Валентинович.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. Москва: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 689 с.
- Гимон, Тимофей Валентинович.* К типологии жанров древнерусского историописания XI–XIV вв. // *Ruthenica*. 2003. № 2. С. 172–180.
- Голиков, Андрей Георгиевич; Круглова, Татьяна Александровна.* Источниковедение отечественной истории. Москва: РОССПЭН, 2000. 440 с.
- Горовенко, Андрей Витальевич.* Меч Романа Галицкого. Князь Роман Мстиславич в истории, эпосе и легендах. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2011. 480 с.
- Грушевський, Михайло Сергійович.* Хронологія подій Галицько-Волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. 1901. Т. 41. С. 1–72.
- Карамзин, Николай Михайлович.* История государства Российского. Т. I. Санкт-Петербург, 1818. 156 с.
- Костомаров, Николай Иванович.* Лекции по русской истории. Часть первая. Источники русской истории. Санкт-Петербург: Типография Безобразова, 1861. 100 с.
- Котляр, Николай Федорович.* О возможной природе нетрадиционности структуры и формы Галицко-Волынской летописи // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2005. № 2. С. 36–54.
- Котляр, Микола Федорович.* Структура і жанр Галицько-Волинського літопису // *Ruthenica*. 2004. Т. 3. С. 135–149.
- Кузьмин, Аполлон Григорьевич.* Индикты начальной летописи (к вопросу об авторе Повести временных лет) // Славяне и Русь. Москва: Наука, 1968. С. 305–313.

- Лаинюков, Иван Васильевич.* Очерки русской историографии и истории (начало) // Университетские известия (Киевский университет). 1869. № 5. С. 13–22.
- Лихачев, Дмитрий Сергеевич.* Повесть временных лет. Статья и примечания // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. Москва: Гос. Изд-во худ. лит., 1957. С. 279–317.
- Лихачев, Дмитрий Сергеевич.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. Ленинград: Наука, 1983. 639 с.
- Лушин, Виктор Глебович.* Некоторые особенности хронологической сегментации ранних известий Повести временных лет // Историко-археологические записки. 2010. Кн. 1. С. 22–32.
- Лушин, Виктор Глебович.* Симметричность летописных дат IX – начала XI вв. // Историко-археологические записки. 2010. Кн. 1. С. 33–38.
- Лушин, Виктор Глебович.* 882–862–852 // Историко-археологические записки. 2010. Кн. 1. С. 39–44.
- Лушин, Виктор Глебович.* К датировке правления Игоря // Историко-археологические записки. 2010. Кн. 1. 2009. С. 65–70.
- Лушин, Виктор Глебович.* «...не покаяшася, и посла на ня римляны» // Историко-археологические записки. 2010. Кн. 1. 2009. С. 85–88.
- Любарский, Яков Николаевич.* Сочинение Продолжателя Феофана. Хроника, история, жизнеописания // Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Издание второе, исправленное и дополненное. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. С. 293–368.
- Миллер, Герард Фридрих.* О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Сочинения по истории России. Избранное. Москва: Наука, 1996. С. 5–14.
- Русинов, Владимир Николаевич.* Летописные статьи 1051–1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2003. Серия История. Вып. 1 (2). С. 111–147.
- Толочко, Алексей Петрович.* Краткая редакция «Правды Руской»: происхождение текста. Киев: Институт історії України НАНУ, 2009. 136 с.
- Толочко, Алексей Петрович.* О времени создания Киевского свода «1200 г.» // Ruthenica. 2006. Т. 5. С. 73–87.
- Толочко, Алексей Петрович.* Одна заимствованная формула в Галицко-Волынской летописи // Ruthenica. 2006. Т. 5. С. 256–257.
- Толочко, Алексей Петрович.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // Ruthenica. 2008. Т. 7. С. 154–165.
- Толочко, Алексей Петрович.* Печерский мятеж 1182 г. // Ruthenica. 2007. Т. VI. С. 350–352.
- Толочко, Алексей Петрович.* Происхождение хронологии Ипатьевского списка Галицко-Волынской летописи // Palaeoslavica. 2005. Vol. XIII. No. 1. С. 81–108.
- Толочко, Олексій Петрович.* [Рецензия на:] Историко-археологические записки, отв. ред. Е. П. Токарева. Кн. 1. Зимовники: Зимовнический краеведческий музей, 2010, 176 с., илл. // Ruthenica. 2011. Т. 10. С. 261–269.
- Толочко, Петр Петрович.* Статья 6731 года Галицко-Волынской летописи и время ее написания // Ruthenica. 2005. Т. 4. С. 47–53.
- Ужанков, Александр Николаевич.* Проблемы историографии и текстологии древнерусских памятников XI–XIII вв. Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 440 с.
- Фоллин, Станислав.* Об одном возможном источнике предисловия к Начальному своду // Ruthenica. 2008. Т. 7. С. 140–153.
- Фонт, Марта.* «Житие» Даниила Романовича // Княжа доба. 2008. № 2. С. 98–108.

*Шахматов, Алексей Александрович.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Санкт-Петербург: Типография М. А. Александрова, 1908. 686 с.

*Шлецер, Август Людвиг.* Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке. Часть 1. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1809. 475 с.

*Hristova, Daniela.* Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle // *Russian History / Histoire Russe*. 2006. Vol. 33. P. 313–331.

*Ostrowski, Donald.* The Nacalnyj Svod theory and the Povest' vremennykh let // *Russian linguistics*. 2007. Vol. 31. P. 269–308.

*The Russian Primary Chronicle. Laurentian text.* Translated and edited by Samuel Hazzard Cross and Olgerd P. Sherbowitz-Wetzor. Cambridge, Massachusetts: University Press, 1953. 313 p.

*Timberlake, Alan.* Who wrote the Laurentian chronicle (1177–1203)? // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2000. B. 59. Heft 2. P. 237–265.

*Tolochko, Olexiy.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)* / Edited by Ildar Garipzanov. 2011. P. 207–229.

*Tolochko, Olexiy.* On Nestor the chronicler // *Harvard Ukrainian studies*. 2007. Vol. 29. P. 31–59.

*White, Heiden.* The Value of Narrativity in the Representation of Reality // *The content of form. Narrative discourse and historical representation*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1987. P. 1–35.

*Worth, Dean.* Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle // *Indiana Slavic Studies*. 1964. Vol. 3. P. 173–185.

*Worth, Dean.* Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle // *Worth D. S. On the Structure and History of Russian. Selected Essays*. 1977. München: O. Sagner. P. 221–235.

### Information about the article

**Author:** Aristov, Vadim Yur'evich, graduate student of the Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine, Ukraine, Kiev, [aristov3000@yandex.ru](mailto:aristov3000@yandex.ru)

**Title:** Redaction, Compilation, or Chronicle? (on the genre of Rus' annalistic sources of 11<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> century)

**Summary:** The article is dedicated to one of the main questions of the history of ancient Rus' (namely — Southern Rus') annalistic writing — the question of the typology and genre of survived annalistic texts and the logic of their development. The Author proposes to exceed the limits of the Alexey Shakhmatov's conception of redactions («svody»), which contains highly debatable elements, presupposing the history of early annalistic as a series of redacting the original «narrative nucleus». Besides, the Author shows the need of revision of terminology in the field of studies of Rus' annalistic, in particular of the term «annalistic compilation» («letopisnyi svod»). The analysis of the historiography makes possible to put forward another answer on the posed above question.

According to our idea, the «Povest' vremennykh let» (PVL) was neither simple compilation, nor «redacted compilation» («svod») in Shakhmatov's meaning. PVL, in Author's opinion, should be classified as a chronicle, written by the abt of Vydubichi Monastery, Sylvestr. We propose the model of development of Southern Rus' historiography in 11<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> centuries, due to which so-called Kiev and Halich-Volhynian Chronicles are regarded as three consecutive chronicles-continuations of PVL, that of Kiev, Halich and Volhynia. By the way, it means that the Ipatian

copy contains four (not three) works. This model operates with the real, not hypothetical texts, and inscribes Rus' historiography to European context. The scheme «author's chronicle with continuators» was well-known in Latin and Byzantine historiography.

In the article, we set forth a new view on forming of the texts of such chronicles, PVL in particular. The heterogeneity of its texts and textual «seams» as well as self-contradictions we explain as reflection of neither various separate narratives, nor redactions («svody»), but of the complicated work of a single author, who wrote preliminary drafts, which then used in the final issue.

**Keywords:** annals, annalistic compilation, chronicle, historiography

#### References

- Aristov, Vadim Yur'evich. Proiskhozhdenie soobshcheniy Kievskoy letopisi [The Origin of Messages of the Kiev Chronicle], in *Ruthenica*. 2011. № 10. S. 117–136.
- Bestuzhev-Ryumin, Konstantin Nikolaevich. *O sostave russkikh letopisey do kontsa XIV veka* [On the composition of Russian chronicles before 14<sup>th</sup> century]. Sankt-Peterburg: Tipografiya A. Transhelya, 1868. 378 s.
- Butkov, Petr Grigor'evich. *Oborona letopisi russkoy, Nestorovoy, ot naveta skeptikov* [The Defence of the Nestor's Primary Chronicle from the Skeptics Accusations]. Sankt-Peterburg, 1840. 462 + LXV s.
- Follin, Stanislav. Ob odnom vozmozhnom istochnike predisloviya k Nachal'nomu svodu [On One Possible Source of the Foreword to the Primary Collection], in *Ruthenica*. 2008. T. 7. S. 140–153.
- Font, Marta. «Zhitie» Daniila Romanovicha [«Biography» of Daniel Romanovich], in *Knyazha doba*. 2008. № 2. S. 98–108.
- Gene, Bernar. *Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada* [History and Historical Culture of the Medieval West]. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. 496 s.
- Gimon, Timofey Valentinovich. *Istoriopisanie rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: sravnitel'noe issledovanie* [Historical Writing of the Early Medieval England and Ancient Russia: a Comparative Study]. Moskva: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2011. 689 s.
- Gimon, Timofey Valentinovich. K tipologii zhanrov drevnerusskogo istoriopisaniya XI–XIV vv. [On the Typology of Genres of the Historical Writing of Ancient Russia in 11<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> centuries], in *Ruthenica*. 2003. № 2. S. 172–180.
- Golikov, Andrey Geor'gievich; Kruglova, Tat'yana Aleksandrovna. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [The Science of Primary Sources in the Native History]. Moskva: ROSSPEN, 2000. 440 s.
- Gorovenko, Andrey Vitalevich. *Mech Romana Galitskogo. Knyaz' Roman Mstislavich v istorii, epose i legendakh* [The sword of Roman Galitsky. Prince Roman Mstislavich in History, Epics and Legends]. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2011. 480 s.
- Grushevskiy, Mikhaylo Serhiyovych. Khronologiya podiy Galytsko-Volynskoï litopisy [The Chronology of Events in Galician-Volhynian Chronicle], in *Zapysky Naukovoho tovarystva imeni Shevchenka*. 1901. T. 41. S. 1–72.
- Hristova, Daniela. Major Textual Boundary of Linguistic Usage in the Galician-Volhynian Chronicle, in *Russian History/Histoire Russe*. 2006. Vol. 33. P. 313–331.
- Istoriko-arkheologicheskie zapiski* [Historical and Archaeological Notes]. Kn. 1. 2009.
- Zimovniki: Zimovnicheskii kraevedcheskiy muzey, 2010. 176 s.
- Karamzin, Nikolay Mikhaylovich. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. T. I. Sankt-Peterburg, 1818. 156 s.
- Kostomarov, Nikolay Ivanovich. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian History]. Chast' pervaya. Istochniki russkoy istorii. Sankt-Peterburg: Tipografiya Bezobrazova, 1861. 100 s.

- Kotlyar, Mikola Fedorovich. Struktura i zhanr Galitsko-Volinskogo litopisu [Structure and Genre of the Galitsky-Volinsky Chronicle], in *Ruthenica*. 2004. T. 3. S. 135–149.
- Kotlyar, Nikolay Fedorovich. O vozmozhnoy prirode netraditsionnosti struktury i formy Galitsko-Volynskoy letopisi [On the Possible Nature of the Non-Traditional Structures and Forms of the Galitsky-Volinsky Chronicle], in *Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki*. 2005. № 2. S. 36–54.
- Kuz'min, Apollon Grigor'evich. Indikty nachal'noy letopisi (k voprosu ob avtore Povesti vremennykh let) [Indiction of the Initial Chronicle (on the question of the author of the Primary Chronicle)], in *Slavyane i Rus'*. Moskva: Nauka, 1968. S. 305–313.
- Lashnyukov, Ivan Vasil'evich. Ocherki russkoy istoriografii i istorii (nachalo) [Essays on Russian Historiography and History (beginning)], in *Universitetskie izvestiya (Kievskiy universitet)*. 1869. № 5. S. 13–22.
- Likhachev, Dmitriy Sergeevich. Povest' vremennykh let. Stat'ya i primechaniya [Primary Chronicle. Article and Notes], in *Khudozhestvennaya proza Kievskoy Rusi XI–XIII vekov*. Moskva: Gos. Izd-vo khud. lit., 1957. S. 279–317.
- Likhachev, Dmitriy Sergeevich. *Tekstologiya. Na materiale russkoy literatury X–XVII vekov* [Textual Study. On the Material of the Russian Literature of the 10<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> centuries]. Leningrad: Nauka, 1983. 639 s.
- Lushin Viktor Glebovich. «...nie pokayashasia, posla na nia rimliany» [«...did not confess, and sent Romans on him»], in *Istoriko-arkheologicheskie zapiski*. 2010. Kn. 1. 2009. S. 85–88.
- Lushin Viktor Glebovich. 882–862–852 [882–862–852], in *Istoriko-arkheologicheskie zapiski*. 2010. Kn. 1. 2009. S. 39–44.
- Lushin Viktor Glebovich. K datirovke pravleniya Igoria [On the dates of Igor's rule], in *Istoriko-arkheologicheskie zapiski*. 2010. Kn. 1. 2009. S. 65–70.
- Lushin Viktor Glebovich. Nekotorye osobennosti chronologicheskoy segmentatsii rannih izvestiy Povesti vremennykh let [Some peculiarities of the chronological segmentation of the early entries in the Povest' vremennykh let], in *Istoriko-arkheologicheskie zapiski*. 2010. Kn. 1. 2009. S. 22–32.
- Lushin Viktor Glebovich. Simmetrichnost' letopisnykh dat IX – nachala XI vv. [The Symmetry of Chronicle dates of 9 – the beginnings of 11 century], in *Istoriko-arkheologicheskie zapiski*. 2010. Kn. 1. 2009. S. 33–38.
- Lyubarskiy, Yakov Nikolaevich. Sochinenie Prodolzhatelya Feofana. Khronika, istoriya, zhizneopisaniya [The Compositions of the Successor of Theophane. Chronicle, History, biographies], in *Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantiyskikh tsarey. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe*. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2009. S. 293–368.
- Miller, Gerard Fridrikh. O pervom letopisatele Rossiyskom prepodobnom Nestore, o ego letopisi i o prodolzhatelyakh onyya [On the First Russian Chronicler the Reverend Nestor, on His Chronicle and on His Successors], in *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*. Moskva: Nauka, 1996. S. 5–14.
- Ostrowski, Donald. The Nacalnyj Svod theory and the Povest' vremennykh let, in *Russian linguistics*. 2007. Vol. 31. P. 269–308.
- Rusinov, Vladimir Nikolaevich. Letopisnye stat'i 1051–1117 gg. v svyazi s problemoy avtorstva i redaktsiy «Povesti vremennykh let» [The Chronicle Essays of the 1051–1117 Connected with the Problem of the Authorship and Edition of «The Primary Chronicle»], in *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*. 2003. Seriya Istoriya. Vyp. 1 (2). S. 111–147.
- Shakhmatov A. A. (ed.) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete Collection of the Russian Chronicles]. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. 2-e izd. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908.

- Shakhmatov, Aleksey Aleksandrovich. *Razyskaniya o drevneyshikh russkikh letopisnykh svodakh* [Research on the Most Ancient Russian Chronicle Collections]. Sankt-Peterburg: Tipografiya M. A. Aleksandrova, 1908. 686 s.
- Shletser, Avgust Lyudvig. *Nestor. Russkie letopisi na drevle-slavenskom yazyke* [Nestor. Russian Chronicles in Ancient Slavonic]. Chast' 1. Sankt-Peterburg: Imperatorskaya tipografiya, 1809. 475 s.
- Timberlake, Alan. Who wrote the Laurentian chronicle (1177–1203)?, in *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2000. B. 59. Heft 2. P. 237–265.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. *Kratkaya redaktsiya «Pravdy Ruskoj»: proiskhozhdenie teksta* [Short Edition of «The Russian Pravda»: the Origin of the Text]. Kyiv: Institut istorii Ukrainy NANU, 2009. 136 s.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. O vremeni sozdaniya Kievskogo svoda «1200 g.» [On the Period of Creation of the Kiev Collection «year 1200»], in *Ruthenica*. 2006. T. 5. S. 73–87.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. Odnazaimstvovannaya formula v Galitsko-Volynskoy letopisi [A One Borrowed Formula in the Galitsky-Volinsky Chronicle], in *Ruthenica*. 2006. T. 5. S. 256–257.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. Pecherskiy myatezh 1182 g. [Pechora Mutiny of 1182], in *Ruthenica*. 2007. T. VI. S. 350–352.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. Perechityvaya pripisku Sil'vestra 1116 g. [Rereading the Correspondence of Sylvester of the year 1116], in *Ruthenica*. 2008. T. 7. S. 154–165.
- Tolochko, Aleksey Petrovich. Proiskhozhdenie khronologii Ipat'evskogo spiska Galitsko-Volynskoy letopisi [The Origin of the Chronology of the Ipatiev List of the Galitsky-Volinsky Chronicle], in *Palaeoslavica*. 2005. Vol. XIII. No. 1. P. 81–108.
- Tolochko, Oleksiy Petrovich. [Retsenziya na:] *Istoriko-arkheologicheskie zapiski, otv. red. Ye. P. Tokareva* [[Review on:] Ye. P. Tokareva (ed.) *Historical and Archaeological Notes*]. Kn. 1. Zimovniki: Zimovnicheskij kraevedcheskiy muzey, 2010, 176 s., ill., in *Ruthenica*. 2011. T. 10. S. 261–269.
- Tolochko, Petr Petrovich. Stat'ya 6731 goda Galitsko-Volynskoy letopisi i vremya ee napisaniya [Article of the Year 6731 of the Galitsky-Volinsky Chronicle and the Period of its Creation], in *Ruthenica*. 2005. T. 4. S. 47–53.
- Tolochko, Olexiy. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus', in Ildar Garipzanov (ed.) *Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200)*. 2011. P. 207–229.
- Tolochko, Olexiy. On Nestor the chronicler, in *Harvard Ukrainian studies*. 2007. Vol. 29. P. 31–59.
- Uzhankov, Aleksandr Nikolaevich. *Problemy istoriografii i tekstologii drevnerusskikh pamyatnikov XI–XIII vv* [The Problems of the Historiography and Textual Study of Ancient Monuments of 11<sup>th</sup>–13<sup>th</sup> centuries]. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. 440 s.
- Vilkul, Tat'yana Leonidovna. «Litredaktsiya» letopisi (o vstavkakh iz Aleksandrii Khronograficheskoy v Kievskom svode XII v.) [«The Literary Editorial» of the Chronicle (Insertions from the Chronographic Alexandria in the Kiev's Collection of 12<sup>th</sup> century)], in *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 2008. Sb. 13. S. 425–435.
- Vilkul, Tat'yana Leonidovna. Novgorodskaya pervaya letopis' i Nachal'nyi svod [The First Novgorod Chronicle and the Initial Collection], in *Palaeoslavica*. 2003. Vol. XI. Cambridge, Massachusetts. S. 5–35.
- Vilkul, Tat'yana Leonidovna. O khronograficheskikh istochnikakh Kievskogo letopisnogo svoda [On the chronographic sources of the Kiev's Chronicle Collection], in *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 2010. T. 61. S. 382–397.

Vilkul, Tat'yana Leonidovna. *O khronograficheskikh istochnikakh Povesti vremennykh let i kontseptsiyakh ikh izucheniya (v pechati)* [On the chronographic sources of the Primary Chronicle and concepts of learning (in print)].

Vilkul, Tat'yana Leonidovna. O proiskhozhdenii «Rechi Filosofa» [On the Origins of «The Philosopher's Speech»], in *Palaeoslavica*. 2012. Vol. XX/I. Cambridge, Massachusetts. S. 1–15.

Vilkul, Tat'yana Leonidovna. O proiskhozhdenii obshchego teksta Ipat'evskoy i Lavrent'evskoy letopisi za XII v. (predvaritel'nye zametki) [On the Origins of the Ipatiev and Laurentian Chronicle of the 12<sup>th</sup> century (preliminary notes)], in *Palaeoslavica*. 2005. Vol. XIII. No. 1. Cambridge, Massachusetts. C. 21–80.

Vilkul, Tat'yana Leonidovna. Povest' vremennykh let i Khronograf [The Primary Chronicle and the Chronicler], in *Palaeoslavica*. 2007. Vol. XV. Cambridge, Massachusetts. S. 56–116.

Vodolazkin, Yevgeniy Germanovich. *Vsemirnaya istoriya v literature Drevney Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleynogo povestvovaniya XI–XV vekov)* [World History in the Literature of Ancient Russia (based on the material of the chronographic and religious narrative of the 11<sup>th</sup>–15<sup>th</sup> centuries)]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy dom, 2008. 488 s.

White, Heiden. The Value of Narrativity in the Representation of Reality, in *The content of form. Narrative discourse and historical representation*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1987. P. 1–35.

Worth, Dean. Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle, in *Indiana Slavic Studies*. 1964. Vol. 3. P. 173–185.

Worth, Dean. Linguistics and historiography. A problem of dating in the Galician-Volhynian Chronicle, in *Worth D. S. On the Structure and History of Russian. Selected Essays*. 1977. München: O. Sagner. P. 221–235.